

Все совпадения имен, фамилий и событий являются случайными

*Питеру фон Теобальду,
блестящему хирургу*

Каждый выбирает по себе
Женщину, религию, дорогу,
Дьяволу служить или пророку,
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает для себя
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает для себя.

Ю. Левитанский

Машины постепенно стали притормаживать, из ручейков собираться в потоки, а впереди, под горкой, маячило целое озеро тормозных огней — все шесть полос, все ручейки и потоки сливались воедино, и конца-краю им не было.

Страждущие заслуженного отдыха москвичи и гости столицы возвращались домой с работы, и было понятно, что до этого самого отдыха далеко, как до Луны, и сейчас начнется маета: многочасовые барахтанья в автомобильном море, сигареты одна от другой, в мобильном садятся батарейки, приемник орет дурным голосом дурную песню, и очень хочется есть и спать, и люди в железных коробках потихоньку звереют, и в виске начинает стучать, и хочется, чтоб весь мир поскорее провалился бы куда-нибудь — вместе с пробками, гудящими автомобилями, воняющими дымным перегаром, вместе с ломотой в висках и отчетливым сознанием того, что утром все повторится снова!..

Долгов от безнадеги перестроился сначала в крайний левый ряд, но тот вскоре встал намертво. Тогда он вильнул в средний, который еще кое-как ехал, но и здесь не было ничего хорошего. Поволочившись за каким-то фыркающим и эпилептически трясущимся «волгарем», Долгов изнемог окончательно.

Он был выносливым мужиком, но кое-что давалось ему с трудом. Он ненавидел бессмысленную потерю времени, которого ему вечно не хватало, а что может быть бессмысленнее стояния в пробке!

«Волгарь» впереди фыркал и выпускал клубы черного дыма, и в мутных стеклах виднелась кепка, тужурка и две клешни, вцепившиеся в руль. Казалось, машина не сама едет, а этот, в кепке, кое-как подталкивает ее вперед.

Долгов какое-то время сочувственно ехал за дядечкой и его помирающей машиной, а потом перестроился еще правее. Здесь уж были сплошные фуры, здоровенные грязные колеса крутились почти на уровне крыши долговского джипа, и ему вдруг почудилось, что он случайно въехал на ишаке в стадо бредущих слонов. Слоны перестраивались, переходили с шага на медленную тяжеловесную рысь, фыркали, и Долгову казалось, что его вот-вот затопчут.

Или по обочине, что ли, рвануть?..

Иногда Долгову невмоготу было соблюдать правила, да и на джипе своем он ездил, как джигит на коне, — уверенно и бесшабашно. За каким-то очередным слонем обнаружился просвет, и Долгов кинулся в него, прошмыгнул под носом у другого слона, принял еще правее и выскочил на обочину. Впереди маячили машины таких же джигитов, которые, не жалея «скакунов», неслись по канавам и выбоинам, но до них было метров четыреста. Четыреста метров ехать, а не стоять —

вот самое большое счастье, которое только может настичь человека в пробке!

Долгов нажал на газ, джип ринулся вперед, угодил колесом в канаву, будто ногу подвернул, и обиженно зарычал от боли.

— Ничего, — сказал ему Долгов. — Терпи, ты железный!..

Он любил свою машину и разговаривал с ней на равных. Впрочем, не с «ней», а с «ним». У него был автомобиль-мальчик.

В два счета, приседая и подпрыгивая, он долетел до машин, которые трепыхались впереди, и пристроился в хвост последней. Многополосное шоссе впереди взлетало на горку и отсюда хорошо просматривалось, и тут выяснилось, что там, на горке, пусто, машины идут шустро, и пробка начинается и заканчивается где-то совсем рядом. Долгов немного приободрился и прибавил звук в приемнике.

Второй концерт Рахманинова — самый волнующий и самый любимый — грянул в салоне, и Долгов вдруг подумал, что все это ерунда — и пробка, и усталость, и опустошенность после рабочего дня.

Ерунда и рутина.

Они быстро пройдут, зато есть нечто вечное. Второй концерт Рахманинова, к примеру.

Машины сбивались в стаю, и на обочине сделалось совсем тесно, и Долгов стал осторожно пробираться обратно в середину. Ему сигналили и не пускали, но он все равно пробирался.

Теперь ехал только крайний левый ряд, и Долгов пытался всунуть джип в медленную вереницу машин, и все у него никак не получалось. Вокруг сигналили и неслышно бранились из-за закрытых стекол. Впереди опять оказался тот самый «волгарь», и приплюснутый картузик виднелся в мутных стеклах, и Долгов вдруг раз-

веселился. Он метался, перестраивался, по обочине чесал, а «волгарь» так и трюхал себе потихонечку — и вот вам результат! Все как было, так и осталось — картузик впереди, Долгов за ним.

Машины ползли еле-еле, и тут стало ясно, из-за чего весь сыр-бор.

Ну, конечно. И как это он сразу не догадался?..

Фура стояла, перегородив три ряда, и кабина у нее была странно вывернута. Какая-то машина, изуродованная до такой степени, что невозможно было определить марку, валялась на боку. Третья, кажется, «восьмерка» или «девятка», была смята, как сигаретная пачка, на которую наступили, и развернута навстречу движению. Возле нее на асфальте лицом вниз лежал человек в расхристанном пиджаке и задранной вверх грязной рубашке. Еще какой-то человек ходил вокруг, его качало, как пьяного. Водитель грузовика сидел на подножке кабины, и у него был такой вид, будто он никак не мог взять в толк, что происходит. Несколько машин стояли в разных рядах, и возле них растерянные люди звонили по мобильным телефонам.

— А, черт возьми, — пробормотал Долгов, выкручивая руль. Сзади с возмущением засигналили, он принял еще чуть-чуть левее, освобождая единственный еле ползущий ряд, и приткнул джип к бамперу фуры.

— Черт бы вас побрал всех до одного!..

Он выскочил из машины, сорвал с себя пиджак и кинул его в салон.

Тот, что лежал лицом вниз, дернулся и захрипел, когда Долгов присел перед ним на корточки. Подсунув левую руку под шею, Долгов нашарил пульс, правой — ощупал позвоночник лежащего. Его нужно было перевернуть, и, став на колени, Долгов осторожно перевернул его на спину.

Дыхание было угнетено, и Долгов посмотрел зрач-

ки. Гипоксия, тахикардия, все как по учебнику. Он уложил пострадавшего ровнее и проверил грудную клетку и переднюю поверхность шеи. Ребра были явно сломаны, а на шее нет никаких видимых повреждений. Крови много, но не слишком темной. На бедре рана, и на боку с правой стороны повреждены ткани, но не слишком глубоко. Долгов стал осторожно щупать живот, пристально глядя в лицо потерпевшего.

Мужчина опять захрипел, дернулся и открыл мутные, желтые от муки глаза.

— Ничего, — сказал ему Долгов, — ничего, все будет нормально. Как тебя зовут?

— Андрей.

— Сколько тебе лет?

Человек силился что-то сказать и не мог. Тоненькая струйка крови показалась из запекшегося рта. Долгов исследовал его раны и говорил, не останавливаясь.

— Вот так нажимаю — больно?

— Да.

— А так?

— И так.

— Ты куда ехал-то? К теще на блины?

Откуда в голове взялась эта теща?.. Впрочем, совершенно неважно, что говорить, самое главное говорить, и чтобы пострадавший слышал!

— К теще на блины нужно медленно ехать, нехотя, а ты небось спешил, да?

Вокруг стал собираться народ — Долгов не поднимал головы, но видел многочисленные ноги. Рычали и сигналили машины.

Под лопатки лежащего он подсунул руку, так, что голова у того немного запрокинулась назад, как у неживого, но взгляд сфокусировался, и губы сложились, и мужчина просипел с усилием:

— Больно.

— Это даже хорошо, что больно. Это значит, что ты жив!.. Все будет нормально.

Долгов понятия не имел, нормально будет или нет, но точно знал, что прежде всего нужно успокоить пострадавшего, а потом разберемся!..

— Принесите аптечку, — громко приказал он в сторону каких-то лакированных ботинок.

Ботинки переступили, потому что кровь, очень темная на асфальте, подбиралась уже близко.

— Аптечку из машины мне! — повторил Долгов ровным голосом. — И какую-нибудь одежду!

— А... какую одежду-то? — спросили со стороны лакированных ботинок.

— Любую. И «Скорую» вызвать!

— Вызвали уже.

— Он умирает, да?..

— Удар-то какой был! Машину в лепешку смяло!

— Одежду ему надо! Этот вроде одет! Зачем одежда?!

— Вот возьмите подушку! Подходит?

— А «Скорая»-то как проедет?! Вон тачек сколько!

— Подушка не подходит, — громко сказал Долгов. — Пиджак, пальто, что-нибудь! И аптечку!

Он посматривал на пострадавшего, контролируя его дыхание. Нужно остановить кровотечение и уложить мужика так, чтобы ему было легче дышать.

— Голову-то ему зачем повернул?! Положи его ровно, слышь, парень? Я в авиации служил, знаю, что говорю!

И чьи-то уверенные руки вдруг взяли лежащего за плечи.

— Всем отойти на два шага назад! Я врач! — рявкнул Долгов. — Отойти от больного!

Руки исчезли, зато рядом с Долговым очутился пиджак. Он быстро скатал его в твердый валик и подсунул

под лопатки пострадавшего. Стерильного бинта в автомобильной пластмассовой аптечке с красным крестом на крышке не оказалось, и Долгов велел принести другую.

Пока он бинтовал бедро, пострадавший тяжело дышал и время от времени постанывал, а потом прохрипел, будто вдруг осознав что-то:

— Я умираю, да?

— Нет, — отрезал Долгов.

Он затянул узел, заглянул в аптечку, порылся в ней, нашел шприц и посмотрел на свет ампулу с обезболивающим. Оно оказалось безнадежно просроченным.

— Есть еще у кого-нибудь аптечка?! Только купленная не десять лет назад!

— Больно, — пожаловался пострадавший.

— Ты кем работаешь?

— Ме... менеджером.

— Никогда не понимал, что это такое, — быстро сказал Долгов, раскрывая следующую аптечку. Вокруг него на асфальте валялось штук пять этих самых аптечек. В последней наконец было все, что нужно, он разорвал упаковку шприца и набрал прозрачную жидкость. — Всегда мечтал быть менеджером, но до сих пор не знаю, кто это такие. Хорошо, что тебя встретил, хоть понял, как они выглядят!

Он быстро ввел препарат. Повязка подмокала, но не слишком, значит, кровотечение ослабевает.

Надо ждать «Скорую», на месте больше ничем не поможешь. Хорошо, что пострадавший сам дышит, но Долгов оценивал состояние как тяжелое. Нужна интенсивная терапия, а какая на дороге может быть интенсивная терапия!

— Сейчас тебе станет легче, — сказал он раненому,

доставая мобильный телефон. — Ты в каком институте учился?

— В университете... те... я...

— А я в медицинском. Поступал в физтех, но меня не приняли. Трояк по физике получил. Расстроился ужасно.

Человек на асфальте вновь разлепил мученические глаза и скосил их на Долгова, стоящего перед ним на коленях с телефоном возле уха.

— Мне повезло, — выговорил он с усилием и даже улыбнулся. — Если бы тебя приняли, кто бы меня... спасал?..

Долгов, по своей вечной привычке ни с того ни с сего восхищаться людьми, пришел в восторг. Человек лежит на МКАДе с разорванным бедром, залитый кровью и засыпанный стеклянной крошкой, и больно ему везде, и невыносимо, и страшно, и он еще находит в себе силы... шутить?! Это дорогого стоит!

— Все будет нормально, — пообещал он пострадавшему, — нужно потерпеть немножко, и все.

Телефон возле уха гудел длинными гудками, а зеленая и желтая бледность понемногу стала покрывать лицо лежащего, и оно в одну секунду залилось потом, и Долгов снова нащупал пульс у него на шее.

— Халлоу, — на иностранный манер протянули в трубке.

— Пал Сергеевич, — быстро сказал Долгов, считая пульс, — это Дмитрий Евгеньевич. У вас сегодня по «Скорой» кто дежурит?

— У на-ас? — тянул голос в трубке. — Вроде Ованесов, а что такое?

— Да авария рядом с вами, на МКАДе, как раз напротив вашего поворота! Отправьте прямо сейчас реанимацию! Наверняка вам уже звонили, но на всякий случай отправьте.

— Тяжелые есть?

— Один есть, других я пока не смотрел.

— Сделаю. А вы сами?

— Что?

— Ну... не того? Не пострадали?

— Нет, все в порядке. Если можно, побыстрее, Пал Сергеевич!

— А что? Не дышит?

— Пока все в порядке, но динамика мне не нравится.

В трубке вздохнули.

Вечно вы куда-нибудь влезете, уважаемый Дмитрий Евгеньевич, а нам «давай быстрее!» — вот что означал этот вздох. Вечно вас на подвиги тянет, а нам реанимацию отправляй! Вечно вы спасать кидаетесь, а нам хорошо известно, что всех не спасешь!..

Долгов знал совершенно точно, что, несмотря на вздохи, на иностранное и вальяжное «халлоу!» в трубке, невзирая на все свои ужимки и прыжки, Павел Сергеевич Ландышев реанимацию пришлет и пропасть больному не даст. Он служил главврачом много лет, и его больница была одной из лучших «скоропомощных» в Москве!

Долгов сунул трубку в задний карман, посмотрел на лежащего и поднял глаза на людей, столпившихся вокруг.

— Еще пострадавшие есть?

— Там женщина... у нее лицо разбито, порезы... и... рука, кажется.

— И мужик из фуры ударился сильно. Небось сотрясение мозга у него.

— И еще парень какой-то, весь в крови.

Пульс под пальцами Долгова все учащался, и дыхание стало поверхностным. Где, черт бы ее побрал, реанимация?!

— А парень, который в крови, идти может или нет? И женщина?.. — спокойно спросил Долгов.

— Да, вроде они на ногах.

— Тогда пусть ко мне подойдут, я посмотрю.

Вдали завывла сирена, и Долгов оглянулся, но ничего не увидел. По закону подлости, это наверняка ГАИ, а не «Скорая»! Так всегда бывает, когда очень чего-нибудь ждешь.

Лежащий снова застонал, и Долгов сказал ему, чтобы тот, когда поправится, изложил на бумаге краткий курс менеджмента и прислал ему, Долгову, по электронной почте.

На третьем курсе на лекциях по общей хирургии профессор Потемин любил цитировать Бехтерева, который утверждал, что если больному после разговора с врачом не стало легче, то это не врач.

Долгов помнил об этом всю жизнь.

Завывания sireны приближались, но машины все еще не было видно.

— Вот он, который в крови! Вы его позвать велели!

Долгов быстро посмотрел. Широкоплечий человек в кожаной куртке и кожаных же штанах стоял, держась рукой за лоб. Крови было не слишком много, но все же подкапывало, и он все время морщился и пытался отряхнуть куртку.

— Голова болит?

— Все болит! — плачущим голосом сказал кожаный. — Где эта «Скорая», мать ее! И куртку всю изгадил, а я ее только купил! Во всем этот придурок виноват! Машину раскурочил, а она новая, я ее только купил!..

И кожаный сделал движение, будто собирался пнуть лежащего на асфальте в бок.

— Ногу убери, — сказал Долгов совершенно спокойно, но как-то так, что кожаный моментально съе-

жился и пожух, снова забухтел что-то про свою куртку и про то, что везде болит.

Из крайнего правого ряда, освещая вечернее шоссе всполохами мигалки, протиснулась желтая реанимационная машина и стала рядом с долговским джипом.

Долгов поднялся с коленей, давая место врачам со «Скорой».

— Что тут у вас?

— Разрыв тканей на бедре и, похоже, перелом. А может, просто ушиб. Двусторонние переломы ребер, может быть, легкое задето, во рту была кровь, хотя пока нарушений дыхания нет.

— Харкал? — живо спросила женщина в желтой куртке, присела и раскрыла чемоданчик.

— Нет. Возможно, внутрибрюшное кровотечение. Притупление везде.

— Вы кто? — спросила женщина.

— Хирург.

— Поня-атно, — протянула она, пристраивая на иглу ампулу. Санитары раздвигали носилки. — Кололи что-нибудь?

Долгов усмехнулся.

— Обезболивающее из автомобильной аптечки.

— Ребята, давайте осторожненько переложим! Терпи, парень, уже немножко осталось! И там еще одна «Скорая» на подходе из сороковой сейчас будет. А вы сами-то живы-здоровы, хирург?

— Да я просто мимо ехал.

— Поня-атно, — снова протянула женщина.

Санитары покатали носилки к распахнутым дверям реанимационной машины, люди расступились и снова вяло сомкнулись.

— В той машине еще кто-нибудь есть?

— Я не смотрел.

На ходу женщина заглянула в перевернутую маши-

ну, посмотрела на Долгова и отрицательно покачала головой.

— Ну все! — прокричала она сквозь автомобильный гул.

— С богом! — прокричал в ответ Долгов.

Желтые двери закрылись, «Скорая» тронулась и вдруг изо всех сил завывла сиреной, как будто в грудь воздуху набрала.

До приезда гаишников и еще одной «Скорой» Долгов врачевал мелкие порезы, ушибы и переломы. Собственно, перелом был только один, у маленькой плачущей женщины из машины, которая стояла поперек дороги, а водитель фуры почти не пострадал, только говорил невнятно, и Долгов все не мог понять — то ли от шока, то ли у него такая речь, то ли он просто с бодуна.

Приехавшие гаишники первым делом осведомились, есть ли трупы, и, узнав, что нет, а самого тяжелого увезла «Скорая», совершенно расслабились. А и в самом деле, куда спешить-то?.. Подумаешь, авария! Таких аварий в день десятком бывает! А тут все обошлось — вон как их переколбасило, но трупов нет! Считай, дешево отделались!

Пока замеряли расстояние, перекрыв МКАД совсем, пока ходили вокруг фуры, пока фотографировали повреждения, Долгов все бинтовал какие-то раны и объяснял фельдшеру со «Скорой», что плачущую женщину надо бы на рентген, а тому, что в кожаной куртке, хорошо бы томограф, потому как бровь у него рассечена довольно сильно, так что, скорее всего, головой он приложился изрядно.

Фельдшер слушал совершенно равнодушно.

— Вы кто?

— Хирург, — повторил Долгов, и фельдшер вдруг взглянул с интересом.

— А я вас знаю, — объявил он радостно, совершен-

но позабыв и про женщину с переломом, и про парня с рассеченной бровью. — Вот, ей-богу, знаю!.. Вы по повышению квалификации лекции читали! Читали, да?

— По... какому повышению?

— Ну как же! В институте усовершенствования врачей. Читали?

Долгов, который только и делал, что где-то читал какие-нибудь лекции, признался, что читал.

— Ну вот, я же говорю! — радостно сказал фельдшер. — А у нас в то время семинарчик был в том же институте, и меня послали! Тоже вроде по повышению! Все хорошо, только заставили экзамен сдавать, а кто не сдал, тому, значит, зарплату не прибавили! Какая-то комиссия это называется! А! Квалификационная, вот какая!

Высоченный Долгов смотрел на него сверху вниз.

— Вот там я вас и засек! К вам еще народ ломился, в коридоре стоял! Да?

Долгов пожал плечами.

— Может, вы поедете уже? — негромко спросил он у разговорчивого фельдшера. — Больные ждут. И перелом сложный.

— Да тут каждый день аварии! Видите, поворот какой! Мы сюда как на работу ездим, хоть время засекай, ё-моё! Или утром, значит, или вечером обязательно здесь кто-нибудь или перевернется, или вообще до смерти убьется! — Он еще посмотрел на Долгова, сияя улыбкой, показывая желтые прокуренные зубы. — Ну как же я вас узнал!.. Вот не ожидал!

— Я тоже не ожидал, — согласился Долгов таким тоном, что фельдшер перестал улыбаться, посмотрел на него испуганно и подался в сторону «Скорой».

Долгов умел совершенно обыкновенные слова говорить как-то так, что даже самые бестолковые себе-

седники слышали не слова, а тон и именно этому тону беспрекословно подчинялись.

— Не забудьте рентген сделать! Слышите, уважаемый?!

— А?!

Долгов стремительно подошел к машине «Скорой помощи».

— Рентген, говорю, — повторил он, глядя фельдшеру в глаза. — С этой женщиной есть кто-нибудь?

— А?! С какой?!

— С пострадавшей, — выговорил Долгов сквозь зубы. — Одна она была в машине или с ней кто-нибудь был?

— Да откуда ж мне!..

— Я еще была, — прозвучал у него за спиной тоненький голосок. — Меня тоже ударило!

Долгов повернулся.

Девушка, хорошенькая до невозможности, в джинсиках и кургузой курточке, стояла у него за плечом и таращила глаза. На щеке у нее был порез, и джинсы выпачканы чем-то темным. Долгов поначалу решил, что это кровь, а потом понял, что нет, не кровь. Масло, может, или что-то похожее.

Пока он рассматривал ее джинсы, а потом порез на щеке, девушка стояла смирно и только мелко дрожала, а потом, когда он стал щупать ей голову и заглядывать в глаза, неожиданным и странным образом переполошилась.

— Вас как зовут? — спросил Долгов, глядя ей в зрачки.

— А вам зачем?

Долгов развеселился.

— Ну, просто чтобы знать, как вас зовут!

Девушка вдруг попыталась вскинуть голову, кото-

рую он крепко держал обеими руками, и сказала абсолютно светским тоном:

— Послушайте! Ну, может быть, не сейчас?!

— Что не сейчас? — не понял Долгов.

— Ну, знакомиться будем не сейчас?!

— Так чего? — выдвинулся фельдшер, который было уселся на переднее сиденье «Скорой». — Мы едем, что ли?.. Там у меня полна коробочка, трое их!..

Теперь, после воспоминаний об институте усовершенствования врачей, он признал полное долговское превосходство над собой и почитал его начальником.

Долгов отпустил девицыну голову, нагнулся и пощупал ее джинсы с той стороны, где было особенно грязно — просто чтобы убедиться, что это не кровь.

— А женщина с травмой головы вам кто?

— Сестра. И перестаньте хватать меня за ноги, это неприлично, в конце концов!

— Поезжайте с ней, — велел Долгов. — У нее может быть серьезная травма, и нужно проследить, чтобы ей сразу же сделали рентген. Сможете?

— А?..

— Сможете поехать и проследить, чтобы ей сразу же сделали рентген?

Девушка посмотрела по сторонам, словно в поисках ответа на этот чрезвычайно сложный вопрос. Долгов понимал, что она в шоке, но ему хотелось, чтобы соображала она чуть побыстрее.

— Как же я поеду? — плачущим голосом спросила девушка. — А машина?

— Какая машина?

— Моя! Это сестра за рулем была! Она! Я рядом сидела, а она была за рулем и разбила мою машину!

Глаза у нее налились слезами, и стало понятно, что сейчас она начнет рыдать. Долгову некогда было с ней возиться.

— Вы должны поехать в больницу с вашей сестрой, — тихо и отчетливо сказал он. — Прямо сейчас. Вы меня поняли?

Не только фельдшер со «Скорой», но и девушка, услышав его тон, моментально внутренне признала его превосходство над собой, перестала всхлипывать и покорно полезла в машину.

— Хорошо, — сказал Долгов и крикнул фельдшеру: — Поезжайте с богом!

— Доктор, доктор, — забормотали рядом, — у меня кровь не останавливается! Что делать, доктор? Ведь... того... истеку, ей-богу, истеку! От потери крови, говорят, Пушкин умер!

Долгов оглянулся посмотреть, кто это такой образованный и знает, от чего умер Пушкин. В этот момент телефон, который словно знал, что раньше звонить никак нельзя, затрещал у него в кармане. Долгов полез за мобильником, одновременно краем глаза изучая смиренного перепуганного дядьку, который держался рукой за грудь. Вся полотняная курточка спереди у него была в крови, и пальцы, которыми он прижимал курточку, тоже были очень красными.

— Дима, — позвала в телефоне Алиса. На заднем плане, за ее голосом, слышался приглушенный мирный, вкусный ресторанный шум. — Ты где? Я тебя жду.

— На МКАДе.

— Ты еще так далеко?! — ужаснулась Алиса. — А я уже в ресторане. Михаил Ефимович только что подъехал. Он еще не зашел, но мне в окно видно его машину!

— Очень хорошо, что видно машину, — проскрежетал Долгов. — Я задержусь, а ты его займи чем-нибудь?

— Чем мне его занять?! Он же хотел с тобой увидеться, а не со мной!

— Он увидится, но попозже.

Тут ее натренированное ухо уловило наконец, что что-то неладно.

— Дим, что происходит? С тобой все в порядке?

— Со мной все в порядке, — уверил ее Долгов. — Я сейчас не могу разговаривать, после перезвоню.

И сунул телефон в карман.

— Давайте посмотрим, что там у вас, — сказал он смирному дядечке и аккуратно, но властно оторвал от груди его руку. Рука была липкой от крови, дяденька следил за ним испуганными глазами.

— Да ничего особенного нету, доктор, но того... кровит сильно.

— Давайте посмотрим, — повторил Долгов. — Чем вас ударило?

— Да я и не видал, чем там меня... Как будто в стенку с разгону... тридцать лет за рулем и никогда...

Долгов развел в стороны полотняные полы его курточки и задрал на тощем животе темную от крови майку.

Ничего особенного под майкой не обнаружилось, только глубокий порез, на самом деле глубокий, с краями.

— Что ж вы раньше не сказали? — тихо спросил Долгов. На первый взгляд ничего страшного, но в ране вполне могли остаться осколки стекла.

— Так... когда же раньше, доктор? Вы же того... заняты были. Пострадавших много, а у меня просто порез.

Долгов быстро взглянул ему в лицо.

— Нужно рентген сделать, а по большому счету хорошо бы ультразвук. И швы наложить!

— А так-то не заживет, доктор? — улыбаясь бравой насильной улыбкой, спросил дядечка. — Чего там, швы, рентген!.. На мне все как на собаке заживает, вот ей-богу! Я в авиации служил.

— Это хорошо, — похвалил его Долгов. — Авиация — это прекрасно. Рентген, а потом швы. Обязательно!

Дядька совсем затосковал и стал отводить глаза.

— Да и «Скорая» уж уехала, — забормотал он. — И машину я здесь не оставлю!.. Как я потом ее отсюда забирать-то буду! Еще на стоянку уволокут, плати за нее, потом и не найдешь! А если она здесь будет стоять, так ее всю раскурочат к Аллаху!.. А перевязочку мне нельзя, доктор? — вдруг спросил он с надеждой. — Перевязать, да и дело с концом! Подумаешь, порезался! Лишь бы кровью не истечь, как этот самый Пушкин!

Долгов еще раз посмотрел на дядечку, а тот на него.

Долгов смотрел сурово, хотя, пожалуй, сочувственно. Дядечка — искательно и виновато.

Долгов понял, что из номера с рентгеном все равно ничего не выйдет — это было совершенно очевидно. Не поедет дядька на рентген. Он в авиации служил, и вообще непонятно, где потом искать машину! Какой уж тут рентген!..

— Повязку я наложу. — Он присел на корточки и стал шарить по аптечкам, которые валялись на асфальте. — Только вам все равно в больницу придется ехать! Такие порезы — не шутка, и рану нужно обрабатывать! А я ее сейчас ничем не обработаю.

— А может, того... зеленочкой?

— Зеленочкой? — под нос себе переспросил Долгов, нашел в аптечке перекись водорода и твердый пакетик стерильного бинта. — Присядьте где-нибудь! Ну, вот хоть сюда присядьте!

Он согнал с подножки грузовика водителя, который все продолжал раскачиваться, взявшись за голову, и усадил дядечку, и еще раз осмотрел рану. Вроде бы осколков в ней не было, но автомобильное стекло — коварная штука! Только на иностранных машинах оно вываливается целиком, так сказать, единым монолитом. Сотворенное же в отечестве, как нарочно, кро-

шится в мелкую пыль, и бог знает, сколько этой стеклян­ной пыли может попасть в рану!..

Телефон опять зазвонил. Долгов прижал край бин­та подбородком и кое-как вытащил трубку.

Звонил тот самый Ландышев, который на ино­странный манер произносил «халлоу!».

— Ованесов сейчас отзвонил, — неторопливо про­изнес Павел Сергеевич, словно продолжая разговор. — Сказал, что вашего тяжелого как раз к нам и привезли.

— Что там у него?

— Да не успели еще посмотреть! — язвительно со­общил Павел Сергеевич. — Я вам только хотел сказать, что он у нас и им сейчас занимаются!

— Я понял, — Долгов прижал трубку плечом и стал бинтовать. Смирный дядечка морщился, но даже не охал. — Спасибо вам, Павел Сергеевич.

— То-то же, — пробормотал Ландышев. — Зани­майся тут для тебя благотворительностью, а в ответ ни доброго слова, ничего!..

— Спасибо! — еще раз громко повторил Долгов, про­должая бинтовать. — На вас одна надежда!

— Вот именно, — согласился Ландышев, и в теле­фоне воцарилась тишина. Долгову некуда было деть мо­бильник, руки заняты, и он прижимал его к плечу, по­ка бинтовал, и только затянув узел, перехватил трубку и сунул в карман.

— Спасибо, доктор, — прочувствованно сказал дя­дечка и стал осторожно, пытаясь не запачкать белоснеж­ный бинт, опускать окровавленную майку. — Выручи­ли. Дай вам бог здоровья.

— Рентген сделайте, — велел Долгов докторским голосом. Дядька ему нравился. — Только именно сего­дня. Вы поняли?

— Да понял, понял, доктор!..

— Если не хотите заражения крови, — добавил Долгов, и дядька испуганно закивал.

Гаишники растаскивали машины, и поток теперь двигался в два ряда, и молоденький мальчишка махал полосатой палкой, а гаишник постарше что-то писал в блокноте возле искореженной и перевернутой машины. Люди стояли вокруг него полукругом, и тот, который был в кожаной куртке и все переживал из-за того, что она новая, размахивал руками и бил ребром ладони о другую ладонь, видимо показывая, как все было.

Все наврет, подумал Долгов неожиданно для себя. Есть такие. Они врут всегда, даже когда в этом вранье для них нет никакой личной выгоды. И этот врет.

Он вдруг почувствовал, что устал. Даже не то чтобы устал — он уставал очень редко, а во время работы никогда, — просто хочет спать и домой. Выспаться у него в последнее время никак не получалось. Операций было много, и еще добавилась одна больница, в которую приходилось путешествовать через весь город.

Он зевнул, вяло потряс брючками на коленях, которые оказались сильно вымазанными, и полез в свою машину.

Телефон опять зазвонил, он ответил и какое-то время разговаривал со своим аспирантом, который спрашивал, когда Долгов сможет посмотреть его диссертацию.

Дмитрий Евгеньевич отвечал, что ни сегодня, ни завтра никак не сможет, аспирант настаивал, а Долгов все не соглашался. Аспирант был так себе, даже не средненький, а вовсе никакой, и возиться с ним Долгову не хотелось, но он знал, что придется.

Этот самый, даже не то что средненький, а вовсе никакой ради своей диссертации у профессора всю душу вымотает, когтями вытянет, каленым железом выжжет! Ему нужна не просто диссертация, а хорошая диссертация. Он себе и местечко давно присмотрел в

чистенькой, ухоженной клиничке, где на окнах занавески, а в коридорах раскидистые фикусы, где сидят хорошие, чистенькие, ухоженные врачи, берушие за прием по сто долларов, где всегда внимательны к пациентам и где так удобно и приятно работать!.. За этого аспиранта и похлопотать есть кому, и профессору Долгову уже звонили и многозначительным голосом поздравляли с тем, что он вырастил «достойную смену», все в лице этого никакого!..

Долгов ничего не имел против подобного рода лечебных учреждений, почитая их чем-то средним между профилакторием и клубом по интересам — вылечить там, конечно, не вылечат, но, может, вовремя направят туда, где вылечат. И против подобного рода врачей он тоже ничего не имел — по крайней мере, они вполне безвредны, пока не берутся всерьез пользоваться пациентов и ставить диагнозы, а в качестве собеседников для заполошных мамаш, озабоченных тем, что у чадушки на заднице выскочил подозрительный прыщик, они вполне пригодны. Но сейчас, после крови, грязи и автомобильной вони, диссертация никак не шла ему в голову.

— Позвоните мне в среду, — не дослушав, велел он в трубку и нажал кнопку.

Телефон немедленно зазвонил снова.

— Да, — сказал Долгов. Он никак не мог попасть ключом в зажигание и наклонился, чтобы посмотреть.

— Димуль, ты занят?

— Я?! — удивился Долгов. — С чего ты взяла? Я всегда свободен!

— Димуль, можешь поговорить?

— Смотри о чем, — ответил хитрый и изворотливый Долгов, попав наконец в зажигание. — О чем ты хочешь со мной поговорить, Белик?

— Да я все про ту женщину, которую сегодня при-

везли! Мне звонили из больницы и сказали, что она от операции отказывается!

— Как отказывается, когда там без вариантов? — Долгов завел мотор и потер глаза. Спать хотелось невыносимо. И Алиса одна в ресторане в меру своих сил развлекает Михаила Ефимовича!.. — Да она специально из своего Хреново-Тучинска приехала, чтобы операцию сделать! И муж ее ко мне вчера ломился, весь на нервах!

— А сегодня ей какие-то... — тут Бэлла изящно выматерилась, — специалисты в нашей больнице сказали, что оперативное вмешательство ей не показано, а показано консервативное лечение.

— Бэл, там все тянется уже год! Они ко мне осенью приезжали, и я еще тогда сказал, что нужна операция, но дама все тянула и вот наконец собралась! Что за новости?!

— Дима, я не знаю. Ты когда будешь в триста одиннадцатой? Завтра?

В триста одиннадцатой больнице у них была база, где они в основном и оперировали.

— Завтра, но у меня три большие операции, и я освобожусь только часов в пять. Ну, в четыре, если бог даст и все пойдет хорошо. Но не раньше. Я позвоню заведующему отделением, попрошу, чтобы ее не трогали, эту нашу нервную!

Бэлла Львовна помолчала. Она была женщиной решительной во всех отношениях и хирургом отличным, и ей хотелось, чтобы Долгов все вопросы решал немедленно, прямо сейчас, а не когда-то там!

— Бэл, ты меня слышишь? Скинь номер и перестань нервничать. Все будет в порядке. Я все решу.

Бэлла длинно вздохнула в трубке.

— Во сколько мне завтра приехать?

— Решай сама. Можешь приехать к восьми, я ее уже

посмотрю и поговорю с ней, а потом мы с тобой все обсудим, но в половине девятого у меня первая операция и я уйду. А можешь приехать часам к пяти, но уже не в триста одиннадцатую, а в медицинский центр, у меня там прием. Мы как раз поговорим.

— У тебя три операции и еще прием?!

Долгов вздохнул.

Ну и что? Да, у него три операции, а потом прием. А эта самая дама, о которой хлопотала Бэлла, не просто больная, а жена какого-то большого чиновника то ли из Ростова, то ли из Таганрога, а всем хорошо известно, что начальник департамента по ремонту железнодорожного полотна из Таганрога или Ростова гораздо круче, чем президент России или, скажем, канцлер Германии, и хлопот с ним и с его супругой будет вдесятеро больше, чем с этими двумя, даже если они в одночасье надумают лечь в триста одиннадцатую клиническую больницу!

Ну и что?.. У него, у Долгова, такая жизнь, и Бэлле об этом известно лучше, чем кому бы то ни было.

Вот выспаться бы, и все будет отлично.

Бэлла Львовна еще помолчала в трубке, потом велела Долгову меньше работать и больше отдыхать, а также не забыть позвонить заведующему отделением, в котором больной заморочили голову.

Долгов сунул телефон в карман и стал прицеливаться, как бы втиснуться в плотный поток, обтекавший фуру, и тут гайшник, который что-то записывал в блокнот, замахал ему рукой, загримасничал и двинулся в его сторону.

— Чего тебе надо? — себе под нос спросил Долгов. — Ну, чего тебе надо?!

Телефон опять зазвонил. Долгов посмотрел в окошко, нажал кнопку и поднес трубку к уху.

— Мария Георгиевна, я вам перезвоню.

— Да у меня пустяковый вопрос, Дмитрий Евгеньевич. Или совсем не можете?

— Секунду, — покоровшись, сказал Долгов, опустил стекло и, держа руку с телефоном на отлете, крикнул подходившему гаишнику: — Я уехать хочу! Аварию я не видел!

— Что?!

Долгов выскочил из машины.

— Я говорю, аварию не видел! Я тороплюсь, мне ехать нужно!

— Как не видел?! — тягостно поразился гаишник.

— Да так. Не видел, и все. Я подъехал, когда уже один на асфальте лежал, его реанимация забрала, а остальные были на ногах.

Гаишник почесал за ухом.

— А этот, который на асфальте лежал, он из какой машины?

— Да не видел я! — с тоской повторил Долгов. — И разбираться мне некогда было!

— То есть совсем не видели?!

— То есть решительно не видел.

— А как вы здесь оказались?

— Я ехал, — выговорил Долгов отчетливо, уставясь гаишнику в глаза и взглядом не отпуская его взгляда. Иногда это помогало. — Увидел последствия аварии. Остановился. Вышел. Помог пострадавшему. А сейчас можно мне уехать? Я тороплюсь очень.

Гаишник отвел глаза и спросил:

— А кто вас на место происшествия вызвал?

— Никто.

— А как вы здесь оказались?

— Мария Георгиевна, — простонал Долгов в трубку, — я вам все-таки перезвоню. Это надолго.

— С вами все в порядке, Дмитрий Евгеньевич?

— Со мной все в порядке, — уверил ее Долгов тихим голосом. — Я сейчас быстро решу вопрос с ГАИ, и... мы поговорим. Хорошо?

— Я лучше подожду, — весело сказала анестезиолог. — Заодно послушаю, как вы решаете такие вопросы!

Машины ревели, над дорогой вечерело, небо на западе над многополосным шоссе плавилось и истекало жидким золотом, и Долгов вдруг подумал, как давно не был в отпуске.

И еще он подумал, что жизнь прекрасна. Пострадавшего довели, и теперь им занимается Павел Сергеевич Ландышев или кто-то из его службы, а это значит, что все, что можно сделать, будет сделано!..

— Ну чего? — повеселев, спросил он гаишника. — Можно ехать-то?!

— То есть вас никто не вызвал, а вы просто так, чисто мимо проезжали?!

— Ну, наконец-то, — похвалил его Долгов, — все в точности так и было. Чисто мимо ехал, чисто с работы.

— А вы кто?!

— Я врач, — в сто первый раз отрекомендовался Долгов и извлек из кармана визитку. — Вот все мои телефоны, если я вам понадобится, можете звонить.

— А «д.м.н.» — это что такое означает? — спросил гаишник, уставившись в визитку.

— Доктор медицинских наук. Я поеду, ладно? Вот прямо сейчас!

— А тут написано, что вы профессор! — вдруг радостно сказал гаишник, словно уличил Долгова в чем-то постыдном, но довольно смешном.

— Я поеду, да? — повторил Долгов с нажимом и открыл дверь джипа.

Гаишник молча наблюдал за ним, а когда Долгов уселся и уже ногу на газ ставил, вдруг снова махнул своей палкой.